27.11.99.

Невинный Вячеслав

Актер Вячеслав НЕВИННЫЙ:

Весь секрет в витамине «Т»

Мир за неделю. – 1999. – 27 нояб. – 4 дек. – с. 10

Нелли ПРОТОРСКАЯ
Трибуна. Подписной индекс 50109

Когда во время прогона спектакля народный артист СССР Вячеслав Невинный упал на сцене с высоты двух-трех метров и сломал несколько ребер, телефоны МХАТа, что называется, раскалились докрасна. Так зрители волновались за здоровье любимого артиста, которому на прошлой неделе исполнилось 65 лет...

Фото из архива

— Вячеслав Михайлович, греет ли актера такая зрительская любовь?

— Греет... Но, может быть, я сейчас прослыву белой вороной или большим оригиналом, однако по прошествии лет замечу, что это чувство можно сравнить с любовью к сладостям, к тортам, к мороженому. Потому что когда актер погибает, умирает, уходит из жизни, о нем быстро забывают.

Есть только одно место, где мы — и актеры, и зрители — живем настоящими чувствами. Это театр. Когда один человек передает другому мысли и чувства, пусть даже не свои, но как будто им выстраданные, между актером и зрителем пробегает искра, которая, возможно, помнится потом всю жизнь. Это и есть великое таинство театра. С чем его можно сравнить? С чувством любви, правда? Скрипач играет на скрипке, пианист — на рояле — и потрясает вас. А актер играет на себе самом. Он сам инструмент, он играет на системе, которая называется нервной. У каждого актера эта система расположена так, что он может нажимать на те или иные клавиши и действовать одинаково. А есть некоторые (например, Михаил Чехов — племянник великого классика — обладал таким актерским нервом), которые могут играть на тех же клавишах по-разному.

Как-то на занятиях по актерскому мастерству Станиславский задал своим ученикам придумать по два этюда — комическому и трагическому. На следующий день Михаил Чехов сказал, что у него только один этюд: я буду находиться в шахте лифта, а на меня сверху будет идти лифт. Начну с комического. И показывает, как он сидит, а на него сверху идет лифт. Хохотали так, что Станиславский остановил: «Довольно, теперь трагический». И Чехов стал играть наоборот — да так, что все испугались, что он может погибнуть по-настоящему.

— Наверное, это называется гениальностью?

— Да, он был гениальным художником, исключением. Поэтому вот это «Ой, как вы хорошо играете!» для меня давно за скобками. Не надо играть хорошо или плохо, надо играть правильно. Артисты лукавят, когда говорят, что каждый день играют по-новому. Это рисовка, не более. Хотя, конечно, стараешься, чтобы спектакли были не похожи один на другой. А бывает, если вы уже видели «Гамлета», а я покажу вам то, чего вы еще не знаете, — это и есть удача. Таких мгновений за всю жизнь может быть два-три. Мгновений!

— Ну а в вашей творческой жизни сколько таких мгновений наберется?

— Не очень много, хотя мне-то как раз на творческую судьбу грех жаловаться. В занятости в театре никогда не испытывал недостатка.

— Случалось, что театр разочаровывал вас?

— Никогда! Были моменты сожалений, сомнений — и только. Сколько себя помню, я всегда знал, что буду заниматься этим, а не чем-то другим. Я родом из Тулы. Мои родители никакого отношения к театру не имели, но тяга к нему всегда сидела во мне. С раннего детства. Я бы слукавил, если бы сказал, что это, мол, все от Бога.

Артисты любят напустить туману, что, мол, это все сверху, а я только исполняю, что мной кто-то водит. Это ложь. Искусство — это труд. Пот и кровь остаются за кулисами, а зритель видит на сцене только легкость и парение. Я иногда читаю в интервью, которые раздают молодые актеры: «Ах, как нам было трудно на съемках!». Ну хоть бы один сказал: «Какое счастье! Мороз, жили в палатках, а мы водки выпьем по стаканчику — и с удовольствием в кадр, дубль 3. Вот такое у нас было настроение, пока снимали. Смонтировали, сейчас пойдем смотреть». Но нет, одни жалобы. Можно подумать, милиционеру легко сутками стоять на посту, а шахтеру глотать пыль в шахте. Уйди, если трудно. Займись другой профессией, более благополучной, что ли.

— Вячеслав Михайлович, скажите, вы своего сына, Невинного-младшего, охотно пустили в актеры?

— Мы с женой Славу не отговаривали. Он — актерское дитя, знал, на что шел. Сказали только на семейном совете, чтобы потом не жаловался. Предупредили: будешь учиться в той же школе МХАТ, которую мы с матерью окончили, почти у тех же педагогов, теперь наших коллег по театру, чтобы мы стыда не испытывали. Слава окончил учебу с красным дипломом. Конечно, это в нашем актерском деле не показатель, но все же было приятно. Сейчас мне как отцу за сына не стыдно. Я с интересом смотрю на то, что он делает на сцене МХАТа.

— Как-то видела всю семью Невинных в спектакле «Горе от ума». Можно только представить, что творится в вашем доме в такой день...

— Ничего особенного не творится. Я, например, рад, что у нас актерская семья. Всегда есть тема для разговоров за ужином, но это не значит, что мы только и говорим, что о системе Станиславского. Главное, что я и дома нахожусь в ощущении неизменности. Мне комфортно, как и в театре. Есть артисты, которым в театре некомфортно, их раздражают репетиции, невозможность избежать этого мучительного процесса.

— Почему, разве не на репетиции рождается образ?

— Бывает, не устраивает роль или режиссер, или не можешь сделать то, что нужно. Почему некоторые кончают стаканом? Раз не получилось, два — и готово. Игорь Моисеев как-то верно подметил: «От работы еще никто не умер, а вот от водки, случается, умирают». Семья, крепкий тыл в этом отношении — спасение.

— Вы ведь давно женаты на Нине Гуляевой, народной артистке России, тоже мхатовке?

— Без малого сорок лет. Удивительная актриса, она как раз приближается к образу, о котором я упоминал, говоря о Михаиле Чехове. Представьте, она утром играла девочку Суок в «Трех толстяках», а вечером старуху в пьесе по Распутину, за что, кстати, была удостоена Государственной премии.

— Дома как-то обсуждаете работы друг друга?

— Не то слово... Это все время присутствует, особенно если участвуем в одном спектакле. Вы упомянули «Горе от ума», а был еще один, где мы играли всей семьей, — «Блаженный остров». Я играл там отца семейства, обремененного семью дочерьми. Богатая, кстати, пьеса для театра — сразу столько актрис занято!

— Вы создали на ТВ в рекламе обаятельный образ повара: «Кнорр, вкусен и скор...». Можно ли предположить, что вы разбираетесь и в искусстве кулинарии?

— Я могу приготовить обед из двух блюд. Весь секрет в витамине «Т». Вообще, если к делу подойти талантливо, можно все суметь: покрасить стены, переклеить обои, сварить борщ.

— Вероятно, с помощью того же витамина «Т» в комедии Гайдая «Не может быть» вы замечательно распевали: «Губит людей не пиво, губит людей вода».

— Это так, режиссерский показ. Голоса у меня нет, а слух хороший. Поэтому я ревниво отношусь к теме «поют драматические актеры». Дома теще, собаке — пожалуйста, но зачем выносить это на телеэкран? Единственный, кто умел петь из драматических актеров, это Марк Бернес. Еще Трошин. Тот вообще мог уйти из театра и спокойно существовать на эстраде со своим голосом и вкусом. Но это редкость.

— Режиссеры, приглашая вас в кино, уверены, что вы вытянете любую картину. А сами вы довольны тем, как сложилась ваша судьба в кинематографе?

— У меня не было таких ролей, как, скажем, у Лени Харитонова, Алексея Баталова или у Вячеслава Тихонова. Хотя за сорок лет в кино я переиграл множество разных, в том числе и больших, и заметных. Очень мне нравится давняя наша картина «Испытательный срок», где мы снимались вместе с Табаковым, Ефремовым. Приятно, когда ее время от времени показывают по ТВ. Хорошее кино, настоящее. Но вообще я без ностальгии отношусь к прошлому. Предпочитаю жить настоящим. Моя последняя работа в кино «Полицейские и воры», это римейк старой итальянской ленты. Мы там с Геной Хазановым играем. Жаль, фильма не видел.

— У вас не бывает ощущения, что жизнь в чем-то обошла вас?

— Нет, она многое мне подарила. Конечно, ушли несыгранными какие-то роли, остались нереализованными какие-то мечты. А с другой стороны, как замечательно сказал Блок, если что-то не состоялось, значит, не сильно и хотелось.

А что касается званий, наград, я спокойно к ним отношусь. Один уважаемый мною артист отказался от ордена Дружбы народов, ссылаясь на то, что никакой дружбы давно нет. А я, напротив, принял его со словами: «Благодарю правительство за этот орден, потому что я верю в дружбу народов». В этом году на 100-летие МХАТа мне вручили орден «За заслуги перед Отечеством». Я тоже принял его с благодарностью. Что такое моя работа в театре, как не служение Отечеству?

— У вас нет желания написать книгу — напутствие сыну, коллеге по искусству, как это сделал Евгений Леонов или, скажем, Олег Борисов?

— Я хорошо знал Женю... С Олегом Борисовым мы работали в одном театре, но писать мемуары мне ни под каким видом не хочется.

— Каких подарков вы ждете от жизни?

— Побольше бы здоровья... Я стал остро чувствовать возраст.